

моя новость - 1994 - 27 февр. - в газете - с. 125.

«Если уж мы влипли в этот сумасшедший КВН...»

Юлий Гусман: Государственная дума. Взгляд изнутри

Ныне капитан болельщиков «Выбора России», в прошлом — капитан бакинской команды КВН

«**Есть два типа людей. Те, которые всю жизнь «катают» в одну сторону, посвятив себя одной теме. Из них получают гении. Леонардо к ним не относится. Он из тех гениев, которых интересует все и которые пробуют себя в разном. Я в своей жизни занимался многим. В результате обрел три профессии: врача-психиатра, режиссера и кавээзника.**»

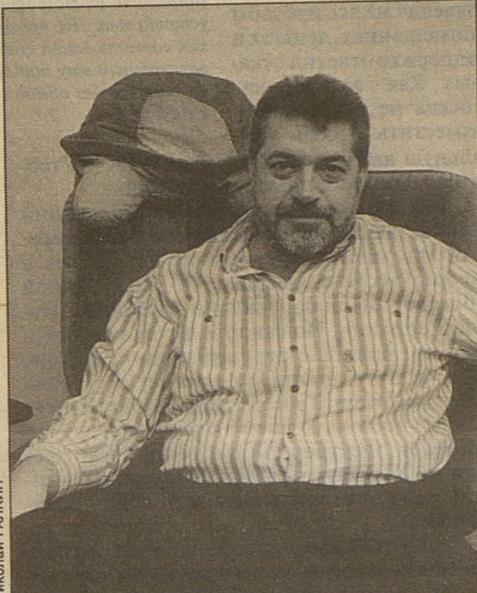
Так скромно начал свой монолог о Государственной думе депутат Юлий Гусман. В новой ипостаси он, к счастью, остается самим собой — душой компании. Мои соболезнования Думе — эта пестрая компания неожиданно напомнила ему обо всех трех упомянутых выше профессиях.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ НЕ С ВЕШАЛКИ

Он начинается со здания. Худшего помещения под спектакль «Законодательное собрание» предложить не могли. Я вспоминаю, в былые времена даже в провинциальный райком или Совет нельзя было войти. Здесь — проходной двор. Сидят десятки коммерческих структур. По зданию одновременно бродят в большом количестве рабочие и секретарши, вносится-выносятся мебель. А в десяти метрах от всего этого бедлама законодателями предано судьбы гигантской ядерной державы. Такой театр в принципе не возможен, потому что любой главный режиссер уже давно бы убил директора, а потом застрелился сам.

В первый день, ожидая регистрации, я подумал, что это место идеально иллюстрирует закон Паркинсона и принцип Питера: каждая бюрократическая система начинает сама себя обслуживать. Гигантским структурам и аппаратам, которые здесь сидят, совсем не нужны эти несчастные 450 избранных народа. И хотя все вокруг вежливо и даже как бы демонстрируют, что мы для вас тут и сидим, но это вежливость жэка в приемные часы.

Короче, сценография никуда... Вполне допускаю, что на фоне мрамора эта Дума выглядела бы еще более убогой. И все-таки... Конгресс США заседает в великолепном здании, хранящем традиции парламентаризма. Если в семейной жизни что-то не ладится, то это вовсе не значит, что не надо больше мыть пол и вытирать пыль. В этих достаточно убогих условиях, однако, разыгрывается увлекательная пьеса, не имеющая пока ничего общего со сценарием. По сценарию мужи-законодатели должны принимать законы. Актерам же не до того. Они выясняют отношения, разыгрывают многоходовые комбинации. За два месяца попробовали себя в жанре политического памфлета, острой зарисовки и даже «бытовухи»: я имею в виду решения вопроса о зарплатах. Надо сказать, не обделили

Николай ГАЛКИН

себя — положили по 500 тысяч плюс затребовали машины.

Правда, этому театру повезло, на мой взгляд, с режиссером. Достоин себя ведет. Тут сильнее оказался второй состав — коммунисты. Первый состав — Жириновский и его люди. Это, конечно, «звезды» нашего театра. Но против их Лукавы Рыбкин кажется сочетанием Черчилля, Кеннеди и Никсона одновременно.

Премьера в этом театре еще не сыграна. Идет открытая репетиция. Каждый день на роль примадонн претендуют новые и новые артисты. Поскольку все же разыгрывается политическое шоу, то здесь нет героя-любownika или субретки. Это такой театр социалистического абсурда — соцабсериализма. В 99 процентах завоевать подмостки можно единственным способом: атакой на президенту справа или крайне слева. Центристы не котируются. Продать себя на этой сцене можно, только отмочив что-нибудь этакое.

Присущий мне «Выбор России» пока главным образом исполняет роль греческого хора в античной трагедии, молчаливо теснящегося в глубине сцены. Хочется нам того или нет, но придется принять правила игры. Иначе мы в этом театре никогда не выйдем на сцену и Жириновский никогда с нее не уйдет. Поэтому я по мере сил и возможностей уже в нем играю. Мы с депутатом Марычевым (от партии Жириновского), который называет меня своим доктором, как рыжий и белый клоуны. Этакие весельчаки.

Мизансцена:

Гусман опаздывает на заседание Думы. Он часто опаздывает. Направляется к залу, а по внутреннему телевидению показывают очередную «наезд» Марычева на «Выбор России». Он говорит: «Где они? Мы не можем голосовать, не можем принимать законы! Где этот мой врач Юлий Гусман?» И уходит от микрофона. Как раз в этот мо-

мент в зал входит Гусман, и в тишине раздается его голос: «Врача вызывали?»

КВН И ДУМА

Тут совпадение полное, до смешного. Присутствуют все элементы.

Есть приветствие. Предполагалось, что приветствовать будет президент. Приветствовал премьер. К приветствиям относятся и обращения фракций — в пятницу в последний час заседания.

Есть разминка. Это — право предлагать любые вопросы, связанные с повесткой дня. Лучшие вопросы, наиболее остроумные и яркие, Дума голосованием принимает.

Есть конкурс капитанов — конкурс лидеров фракций. Сегодня, конечно, самый яркий капитан у фракции ЛДПР. Можно его не любить, но это так.

Есть конкурс болельщиков — это хлопающая и работающая масса. Лучшая команда болельщиков у ЛДПР. Капитан их болельщиков — Марычев. По общему мнению, если он кому и проигрывает, то это мне — капитану болельщиков «Выбора России».

Есть выездной конкурс, когда дается задание: поехать, проверить, вернуться, доложить.

Есть домашнее задание — это парламентские слушания, когда готовится заранее какая-то тема.

Мне как импровизатору, человеку эстрады, человеку митинга веселее наблюдать, как депутаты состязаются в остроумии, нежели выверять каждую запятую в поправках к законопроекту. В зале атмосфера «упоения в бою»: гарцуют кони, прохаживаются хорунжи, штандарты партий развиваются, вот поскакал гонец Жириновского, вдалеке протрубили аграрии. Это вам не скучные законы обсуждать.

Но если серьезно, ничего, кроме стыда, такая Дума у меня не вызывает. Дума, которая похожа на театр и КВН, не может вызывать к себе уважения. А не вызывающий к себе уважения законодательный орган начинает страдать комплексом неполноценности. И тогда мы плавно переходим к следующей теме.

«ДУМА КАК ДИАГНОЗ»

История болезни связана с историей октябрьского расстрела. Патологий множество. Это такой большой санаторий типа клиники, где есть буйные и тихие, веселые и грустные. Иногда мне хочется подойти и дать таблетку или сделать укол. Иногда возникает ощущение нереальности происходящего. Ну, например, когда я слышу, как Жириновский кричит Чубайсу: «В камере будете смотреть на часы, ожидая обеда!» Или когда называют людей «картавыми». Или когда Жириновский кричит вверх журналистам: «А вы передайте своим правительствам: мы будем бомбить и сбивать самолеты». Это не смешно, а в общем страшно, поскольку возникает мысль: «А если и впрямь?!» Через фразу его крик: «В Сибирь! Сослать! Ордер вам выписан!»

Это возбуждение наводит на печальные мысли. Ведь речь идет о людях, которые теоретически могут стать во главе государства и оказаться допущенными к ядерной кнопке.

Конечно, в этом моем «врачебном заключении» есть доля шутки. Как правило, здесь люди здоровые и знающие, чего они хотят. Мой папа как-то говорил, имея в виду симулянтов, что ни один такой «сумасшедший» никогда не сделает ничего себе во вред, в отличие от настоящего сумасшедшего. Это не безумие. Это гораздо ближе к театру. Но есть категория людей, которые так входят в роль, что дальше играют ее всю жизнь. Человек сливается с образом.

Если уж мы воспринимаем политику как некие подмостки (а это так, потому что политика — часть жизни), если уж мы влипли в этот сумасшедший КВН, придется осваивать эту профессию даже тем, кто никогда не собирался быть актером и привык к нормальной жизни. Это вовсе не значит, что Гайдар должен кричать у микрофона. Но найти свою форму общения с людьми (как, кстати, ее нашел Жириновский), научиться давать людям надежду, а не предлагать им все время жевать горькую пилюлю, даже не запивая водой, ему придется. Это можно считать ложью, а можно — кавказским тостом. Хороший тамада за кавказским столом отличается от плохого. И тот, и другой говорят гостям и тостуемому приятные вещи. Но умный тамада всегда найдет при этом возможность сказать правду. Он не скажет пожилой даме, что она роза стола, он будет говорить о мудрости. Он не будет говорить о мудрости молодой глупышке, он скажет, что она — роза стола.

Монолог выслушала и сохранила для истории

Наталья ГЕВОРКЯН